Ш.Х. Шогенов,
аспирант кафедры философии РАГС

ИМПЕРСКИЙ ОПЫТ ВЛАСТВОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ В ГЛОБАЛИЗУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Конструкции сегодняшнего мира задают сложные условия для обретения современными политическими институтами идентичности и стабильности. Востребованы новые модели мироустройства, общества, государства, территории и т. д. В этом контексте оживление теоретического и практического интереса к истории мировых империй, к самому концепту вполне понятно. Современные аналитики имперского опыта Запада и России – И. Валлерстайн, Н. Фергюссон, Д. Хоскинг, П. Верт, М. Хардт и А. Негри, а также российские исследователи – А. Миллер, С. Каспе, М. Веллер, В. Иноземцев, А. Неклесса, А. Филиппов и другие – преодолели традиционно-негативные оценки управленческого опыта в имперских системах. В научной литературе сегодня присутствует взвешенная оценка роли империй в мировой истории и общественных трансформациях XX в. Более того, пришло понимание того, что в современных властных практиках многие имперские технологии культивируются и развиваются. Появилось новое понятие – «империя глобализации», сторонники которой характеризуют цивилизацию XXI в. как по существу имперскую.

Если структурировать основные «имперские свойства» социума как они представлены в новейших разработках этой темы, становится ясно, что признание методологического значения концепта империи не исключает разных трактовок этого понятия. Точнее, никакого общепринятого определения империи не существует[1].

[1] Известный исследователь имперской проблематики С. Каспе считает, что империя это не государство (см.: *Каспе С.И.* Империя и модернизация. М., 2001). Многие теоретики определяют империю, не используя этот термин, а рассуждая о сложносоставном политическом сообществе, инкорпорировавшем в себя малые политические единицы, или о политии, связывающей различные в прошлом независимые государства или создающей государства, ранее не существовавшие. Но встречаются и содержательные применительно к теме определение: «Империя – это большая сложносоставная полития, объединенная вокруг центральной власти непрямым правлением (indirect rule). Центральная власть осуществляет определенный военный и фискальный контроль над каждым существенным сегментом своего домена, но терпит два важнейших элемента непрямого правления: 1) сохранение или установление особых соглашений о правлении в каждом сегменте; 2) осуществление власти через

В качестве классического образца обычно рассматривается Римская империя. Другие империи оцениваются с точки зрения их большего или меньшего соответствия этому образцу, до которого они неизбежно не дотягивают. Такой подход предполагает, в частности, что империя есть часть до-Модерного мира, на смену которому приходит государство как принципиально иная форма политической организации.

Противопоставление государства модерна традиционной империи вполне обоснованно. Государство мыслилось как нечто отдельное от общества и основывалось в основном на прямом правлении и контроле в отличие от империй, опиравшихся на непрямые формы. История свидетельствует о том, что «национальные государства вырастали в пространстве империй как реакция на проблемы, возникающие в контексте соревнования империй, прежде всего в военной сфере»[1]. Примечательно, что империи в своей эволюции продемонстрировали собственные властные ресурсы, позволившие найти приемлемое сочетание традиционных имперских механизмов и форм правления с формами и методами модерного государства. Как отмечает исследователь этой проблематики А.И. Миллер, «практически все империи нового времени в XIX в. уже не были классическими империями. Они видели смысл своего существования не в сохранении и воспроизведении себя, но в развитии и "прогрессе", и переживали кризис приспособления к новым методам правления и формам политической организации. Это был именно кризис, т. е. ситуация с открытым финалом, а не упадок, как нам старались объяснить национальные историографии, которые стремились доказать, что на смену империи как форме политической организации в новое время приходит нация и национальное государство»[2].

В XX в. ситуация изменилась: новое значение после Второй мировой войны приобретают формы непрямого контроля двух сверхдержав (Советского Союза и США) над остальным миром, не предполагающего формального включения контролируемых стран в состав сверхдержав. Кроме того, финансовые потоки изменили свое направление – они следуют не от периферии к центру, а наоборот[3].

Более обобщенные характеристики империи предлагает сегодня политическая философия. В отличие от представлений массового по-

посредников, которые пользуются значительной автономией в своих собственных доменах взамен за послушание, дань и военное сотрудничество с центром».

[1] *Миллер А.И.* Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения. В кн.: Политическая наука: современные империи. М., 2004. С. 6.

[2] Там же.

[3] См. об этом: *Иноземцев В.Л.* Старые противоречия «нового» империализма // Полис. 2004. № 3.

литического сознания, связывающего империю с практикой империализма, т. е. с агрессивной, захватнической политикой больших государств, они характеризуют империю как сложную социальную конструкцию, в чем-то аналогичную структуре глобализирующегося мира в XXI в. В политико-философском исследовании «Империя» М. Хардт и А. Негри поясняют: «В отличие от империализма империя не учреждает никакого территориального центра власти и не опирается на прочные границы или барьеры. Она есть децентрированный и детерриториализующий аппарат управления, который постепенно инкорпорирует все глобальное пространство в свои динамично меняющиеся "границы мира"»[1]. В этой модели практически не принимается в расчет географическое и историческое своеобразие империй. Разрабатывается собственно теоретическое понятие империи как характеристики мира сегодня. При этом не игнорируются традиционные характеристики империи – отсутствие границ, стремление к реальному господству над миром и др. По мнению Хардта и Негри, «империя не только распоряжается территорией и населением, но и создает тот самый мир, в котором оно живет... Практика империи кровава, ее понятие ориентировано на мир – вечный и всеобщий»[2]. Поэтому важно не только понять, что такое империя, но и иметь волю к борьбе против имперского миропорядка.

Предпосылки современной глобальной империи, считают Хардт и Негри, следует искать в западноевропейской истории XIX – начала XX в. В этот период и совершился переход «от империализма к империи как модели мира». Одним из главных признаков империи они считают «логику правления», логику власти, как ее культивировали индустриально развитые западные страны. Именно эти приемы распространились затем по всему миру.

Особое значение в модели империи придается правовому обоснованию и юридическому оформлению этого нового мирового порядка. Однако властеотношения в «глобальной империи» опираются не только на насилие. Имперская власть обладает способностью репрезентировать себя не только как легитимную, но и как примиряющую и умиротворяющую силу: «Динамика и артикуляция нового наднационального юридического порядка в значительной степени соответствуют тем новым характеристикам, которые начали определять не только внешнюю, но и внутреннюю конфигурацию обществ и цивилизаций при переходе от модерна к постмодерну»[3].

Международное право, однако, не является образцом для правовой системы государств; наднациональное право строится по ана-

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя. М., 2005. С. 13 – 14.
[2] Там же. С. 14 – 15.
[3] *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 22.

логии с государственным правом. Так, важным условием в наднациональной системе права становится право на интервенцию, вмешательство: «В наши дни наднациональные субъекты, легитимированные не правом, но консенсусом, осуществляют интервенции ввиду любого типа чрезвычайных ситуаций и во имя высших этических принципов», причем дело не в «перманентном состоянии» исключительности как таковой, а именно в том, что эта чрезвычайщина оправдана «апелляцией к сущностным ценностям справедливости», «право полиции легитимировано универсальными ценностями»[1]. Хардт и Негри осознают опасность позиции, когда универсальные человеческие ценности привязываются исключительно к юридическим механизмам реализации политических решений. В этом контексте они теряют многое в своей гуманистической составляющей и достаточно легко трансформируются в инструменты проведения авторитарных решений.

Новыми положениями в осмыслении имперских конструкций стали концепции «биополитики», «биовласти», при помощи которых объясняется жизнеспособность властных практик в глобальной империи. Различие между дисциплиной и контролем, их связь с биологической организацией человека исследовал М. Фуко. Он пришел к выводу, что в обществе дисциплины производятся и регулируются обычаи, привычки, производственные практики, здесь структурируются и ограничиваются параметры мышления и действия, устанавливается различие между нормальным и отклоняющимся поведением. В обществе контроля «механизмы принуждения» распределены по всему социальному полю, они становятся имманентными телу и мозгу граждан. Это и называется «биовласть» – неотъемлемая составляющая всей социальной жизни. С позиций авторов концепта «глобальная империя» у биовласти есть продуктивное измерение. Производство становится все более и более «нематериальным», «информационным», «коммуникативным» и «интерактивным». Однако по-прежнему от общественного производственного процесса зависит характер воспроизводства телесной, биологической натуры человека, а также его интересов, желаний. «То, что в теориях власти эпохи модерна приходилось рассматривать как нечто трансцендентное, внешнее производственным и социальным отношениям, здесь формируется изнутри, будучи имманентным этим отношениям. ...Политический синтез социального пространства укоренен в пространстве коммуникации. Вот почему индустрии коммуникаций заняли такое центральное место. Они не только организуют производство в новых масштабах и навязывают новую структуру, адекватную глобальному

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 24.

пространству, но и делают имманентным его оправдание. Власть, производя, организует; организуя, она говорит и выражает себя как авторитет. Язык, коммуницируя, производит товары и, более того, создает субъективности, соотносит их между собой и упорядочивает. Индустрии коммуникаций интегрируют воображаемое и символическое в ткань биополитики, не просто ставя их на службу власти, но именно интегрируя в само ее функционирование»[1]. В такой трактовке концепция глобальной империи преодолевает ограниченность национальной государственности.

Из истории империй на рубеже XIX – XX вв. известно, что реальные процессы распада империй шли достаточно интенсивно, однако имперская идея не потеряла своей жизненности. Суверенные государства, возникавшие из империй, претендовали на имперский суверенитет внутри своих вполне определенных границ, тогда как у империи по сути границ не было: она была земным дополнением космического миропорядка. Но устройство традиционных империй не предполагало тотального учета и контроля, отдельный человек вообще не сталкивался с империей как таковой: он жил в своем сообществе (городе, деревне, корпорации), которые лишь через несколько ступеней включения во все более обширные образования оказывались принадлежностью империи или зоной того, что трактовалось как область имперской миссии.

В эпоху генезиса капитализма суверенные государства обнаружили тенденцию к абсолютизму, к подавлению самостоятельной жизни сообществ. И как следствие – исчезновение империи как более широкого контекста деятельности государства, разделение на государство и гражданское общество, отделение политики от морали и попытка политического реванша со стороны государства в XX в. (в форме тоталитарных режимов)[2]. Идея глобальной империи фиксирует внимание исследователей на глобализации как своего рода новом транснациональном, т. е. имперском, порядке. Однако в основание этого нового имперского порядка заложен действительно всеобъемлющий и всепроникающий контроль за современным социумом со стороны власти (не экономической или политической, но культурной, информационной коммуникативной и пр.).

Современные исследователи характеризуют глобальный имперский порядок как самопроизводящийся. Абсолютность имперской власти дополняет ее неразрывную связь с современными практиками воспроизводства общества и человека, следовательно, они име-

[1] *Хардт М., Негри А.* Империя. С. 41.

[2] См. об этом: *Филиппов А.Ф.* Империя и глобализация – критика слева. В кн.: Политическая наука: современные империи. М., 2004. С. 12 – 30.

ют социобиологический и биополитический контекст[1]. В этом ракурсе империя предстает как несовершенная социально-политическая конструкция, насаждающая тотальный контроль за человеческим общежитием. Однако глобальная империя предоставляет сегодня больше возможностей для освобождения современного человека от репрессивного политического принуждения, в рамках которого любое политическое решение приобретает статус правового. В борьбе с глобальной империей возможны новые формы консолидации протестных движений и сил; почвой для их объединения станет биологический протест индивида против насилия, а формой – культурный дискурс, создающий новые общности. Так в работах сторонников идеи глобальной империи намечаются контуры антиимперии.

Споры, которые ведутся сегодня вокруг феномена российском империи, более традиционны. Центральным в них остается вопрос о соотношении имперского порядка с традиционной государственностью, о нации и суверенитете – и как властных ресурсах, и как инструментах для реализации решений правящих элит. Отличие имперских политических систем от национально-государственных очевидно. Как отмечает один из специалистов по этой проблематике С. Каспе, «империя есть принципиально разомкнутая, интенционально безграничная, устремленная к совпадению с Ойкуменой структура». Империя ориентирована на универсальные, абсолютные ценности, легитимизирующие и имперскую экспансию, …представляет собой проекцию Вечности в социальную реальность». Империя допускает широкое разнообразие культурных и политических практик и институтов, обеспечивая их лояльность и дозированное участие в исполнении имперской миссии и избегая ассимилирующих и унифицирующих действий сверх меры, обеспечивающей эту лояльность. Короче, «империя есть инстанция универсальная и скорее метаполитическая»[2].

Что в рамках этих прочтений может взять на вооружение российская власть для оптимизации политической и управленческой деятельности? Очевидно, что сценарий возрождения империи «напрямую» не рассматривается, однако оживление дискуссий об имперском прошлом означает, что преодолевается однозначно отрицательное отношение к политическому опыту российской империи. Уходят в прошлое оценки имперской власти как реликта феодально-сословного прошлого страны, институт несправедливости и национального неравенства. Наряду с научным дискурсом налицо и попытки политической эксплуатации имперской традиции как средства для реали-

[1] См.: *Филиппов А.Ф.* Империя и глобализация – критика слева. С. 18.

[2] *Каспе С.И.* Империя как руина и строительный материал. В кн.: Политическая наука: современные империи. С. 75 – 76.

зации этнонационалистических программ. Эффективность этого проекта связана с эмоциональной привлекательностью темы империи, возможностью превратить ее в инструмент политической мобилизации.

Существует еще один вариант обновления имперских практик применительно к транснациональному контексту современных социальных процессов. Он предполагает использование приемов имперской политики в отношении к этносам и одновременно создание на макросоциальном уровне «деэтнизированной», «гражданской, демократической нации». Этот проект, теоретически отработанный Ю. Хабермасом, положен в основание Объединенной Европы[1]. Трудно сказать, насколько он реалистичен в условиях России сегодня. Однако нельзя забывать о том, что современные цивилизации, оказавшись перед лицом новых угроз, могут начать строительство новых «метагосударственных» империй. Они не будут копиями старых имперских систем, но практика организации полиэтнического сообщества, сохранение локальной специфики, интеграция вокруг общей идеи легко воспроизводимы.

Большинство исследователей сегодня солидарны в том, что возрождение империи – свершившийся в мировой истории XXI в. факт. Но это не Российская империя, а империя Запада, центром которой являются США. В плане имперского строительства глобализация, дискуссии о которой продолжаются, на самом деле завершена в том смысле, что «не осталось географических зон или социальных процессов, которые в принципе не входили бы в сферу влияния и интересов империи. Все, происходящее сегодня в мире, является внутренним делом глобальной империи Запада»[2]. Отсюда и сложности самоидентификации России в мировом пространстве сегодня, и неоднозначность отношения власти к имперским проектам. Однако стоит задуматься и о том, что смысл многих имперских проектов не сводится к строительству новой Российской империи в XXI в, а предполагает включении России в состав империи глобальной в качестве ее регионального «субцентра силы». Такой подход позволяет более взвешенно оценить культурные, политические ресурсы, сохраняющиеся в имперском опыте России и мира.

---

[1] См: *Хабермас Ю.* Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб, 2001; *Он же.* Постнациональная констелляция и будущее демократии. В кн.: Политические работы. М., 2005. С. 269 – 340.

[2] *Каспе С.И.* Империя под ударом: Конец дебатов о политике и культуре // Полития. 2003. № 1. С. 15.